

ствительное нарушеніе чужихъ правъ составляетъ уголовную неправду. Для исполненія своей задачи государство должно не упускать изъ виду и субъективной точки зрѣнія. Вслѣдствіе того оно наказываетъ не только дѣянія, причиняющія дѣйствительный вредъ, но и дѣянія, могущія причинить оный, не только дѣянія вредныя, но и дѣянія опасныя. Съ установленіемъ взгляда, что преступленіе нарушаетъ отвлеченный порядокъ въ государствѣ, потерпѣвшій отодвигается съ перваго на дальнѣйшій планъ. Поэтому въ преступленіяхъ матеріальныхъ, какъ поджогъ, убійство, важнѣе не то, что человѣкъ убитъ или домъ сожженъ, а впечатлѣніе, произведенное преступнымъ дѣйствіемъ, и убѣжденіе, что подобнаго рода беззаконія могутъ случаться въ обществѣ. Благодаря преобладанію такого идеальнаго воззрѣнія, воспрепятствованное покушеніе, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ приготовленіе, подлежатъ наказанію. Вслѣдствіе такого взгляда, оказалось необходимымъ помѣстить въ ряду преступленій и угрозы, въ которыхъ противозаконное стремленіе обнаруживается стращаніемъ другаго причинить ему въ будущемъ зло.

§ 39.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду самостоятельныя угрозы, а не угрозы, служащія средствомъ для достиженія извѣстной цѣли или для совершенія противозаконнаго дѣянія. Въ послѣднемъ случаѣ угрозы составляютъ иногда только одно изъ условій т. н. сложнаго преступленія (*delictum compositum*), какъ напр. угрозы, дѣлаемыя во время разбоя, грабежа, соединеннаго съ насиліемъ, или вымогательства. Въ этихъ дѣяніяхъ для существованія преступленія необходимо посягательство на права личныя и имущественныя. Такимъ посягательствомъ на личныя права могутъ быть и угрозы.